

КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКИЕ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ИДЕОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ В АСПЕКТЕ НОМИНАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ

Статья посвящена идеосемантическим параллелизмам в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках. В статье показывается, что номинативные стратегии не только культурно специфичны и представляют эту специфику определенным образом оформленным набором языковых единиц. В отдельных сегментах языка культурная специфика номинативных стратегий нивелируется и нейтрализуется, доминантой выступают общечеловеческие критерии мировосприятия и оценки окружающих нас предметов, что и является основой для функционирования идеосемантических параллелизмов.

V. Unatlokov

KABARDIAN-CIRCASSIAN AND KARACHAY-BALKAR IDEOSEMANTIC PARALLELISMS IN THE VIEW OF NOMINATIVE STRATEGIES

The article is devoted to the ideosemantic parallelisms in the Kabardian-Circassian and Karachay-Balkar languages. The author shows that nominative strategies are not only culturally specific ones and represent this specificity by a definitely arranged set of language units. The cultural specificity of nominative strategies is graded and neutralised in certain language segments, and panhuman criteria of world vision and evaluation of objects surrounding us become the dominant and the basis for ideosemantic parallelisms' functioning.

Проблемы взаимоотношений между интенсивно и долговременно контактирующими разносистемными языками интересуют не только лингвистов, но также социологов, историков, психологов, этнологов, культурологов и т.д. Для отечественного языкознания, в связи с многообразием языков народов России, проблемы взаимодействия языков, различных форм развития диглоссии и полилингвизма особенно актуальны. Не является исключением в этом отношении и обширный Северо-Кавказский регион, испокон веков бывший

ареной интенсивного контактирования многих и многих языков самых разнообразных систем и в силу этого являющий собой естественную лабораторию для изучения всевозможных путей взаимодействия и взаимовлияния языков как в синхронии, так и в диахронии.

Масштабы взаимодействия языков зависят от характера контактов между ними. Между кабардино-черкесским и карачаево-балкарским языками контакты происходили как между неродственными в генетическом отношении и неблизкими в ти-

пологическом смысле. Как правило, при скрещивании неродственных языков взаимодействие их носит глобальный характер и затрагивает все уровни. Однако оно протекает по-разному на разных ярусах языка. Наиболее интенсивно оно протекает на лексическом и фонетическом уровнях.

Исследование особенностей процесса взаимовлияния кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков показало, что этот список существенно выходит за рамки лексики: особо обращали на себя внимание интересные идеосемантические параллелизмы. Само собой разумеется, что они могли быть обоюдными, т.е. результатом взаимовлияния, а не одностороннего влияния (в данном случае адыгского на карачаево-балкарский). Карачаево-балкарский материал проверялся по данным других тюркских языков, не имевших контакта с адыгскими. В интересующем нас плане карачаево-балкарский оказывается ближе к кавказским (адыгским) языкам.

Под идеосемантическими параллелизмами обычно принято понимать схождения в путях языкового мышления, осознания и выбора номинативных стратегий при вербализации предметов и явлений окружающей нас действительности, обнаруживаемые в различных языках, в данном случае в языках, принадлежащих к разным семьям. Данное явление привлекло внимание лингвистов¹, исследовавших проблемы языковых контактов, и на настоящее время накоплен определенный опыт по их изучению².

При сравнительном анализе номинативных стратегий, под которыми мы понимаем выбор из значительного числа изоморфных средств одного средства именования какого-либо элемента действительности: субъекта (человека), предмета, отношения, процесса, признака, состояния, ситуации и т.д., в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках наблюдаются совпадения идеосемантики ряда карачаево-балкарских и адыгских лек-

сем, особенно сложных. Полное структурное сходство обнаруживается в именных частях речи в основных способах образования: основосложении и суффиксальном способе образования. Ниже попытаемся продемонстрировать ряд кабардино-черкесских и карачаево-балкарских идеосемантических схождений:

1. Для номинации растения «лисохвост луговой» (*Alopecurus pratensis*) в кабардино-черкесском используется лексема *бажэкIэ* (некоторые биологи переводят как «мышей сизый, щетинник сизый»). Карачаево-балкарский язык при вербализации данного понятия выбирает также идентичную номинативную стратегию, совпадающую не только структурно, но и содержательно: *тюлкюкьуйрукь*. Анализируемые в указанных языках слова совпадают как по словообразовательной структуре, так по значению компонентов: каб.-черк. *бажэ* / кар.-балк. *тюлкю* «лиса» и каб.-черк. *кIэ* / кар.-балк. *кьуйрукь* «хвост», что при дословном переводе означает «лисий хвост»; интересен и тот факт, что и русский язык практически строит номинативную стратегию при вербализации данного понятия на тех же структурно-морфологических принципах, что кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки. Мы полагаем, что речь здесь идет прежде всего об универсальности процессов восприятия отдельных явлений окружающего нас мира у представителей разных этносов: номинация неизвестного посредством сопоставления с известными конфигурациями, уже получившими свое наименование в родном языке. Однако мы осознаем, что в нашем объяснении кроется только часть истины, ибо в данном конкретном случае возникает вопрос: почему же представители анализируемых языков данное растение не назвали «собачий хвост»? Ведь конфигурация хвоста собаки не столь разительно отличается от конфигурации хвоста лисы, да и сама собака человеку более знакома, чем лиса. Но эти вопросы остаются открытыми, и на них нет однозначного ответа.

2. Лекарственное растение «молочай» (*Euphorbia L.*) обозначается в кабардино-черкесском лексемой *блэшэ*, а в карачаево-балкарском сочетанием *жилян сют*. В кабардино-черкесском в силу его структурных особенностей данная лексема представляет собой сложное слово, состоящее из двух компонентов (*блэ* «змея» + *шэ* «молоко»), в карачаево-балкарском языке же речь идет о сочетании слов (*жилян* «змея» + *сют* «молоко»). Как видно из приведенного примера, в основе номинации понятия лежит одна и та же стратегия. Вопрос о том, какому языку изначально принадлежит данная номинативная стратегия, остается весьма спорным и потому открытым.

Лексема *блэшэ* функционирует в кабардино-черкесском также в качестве зоологического термина «стрела-змея», которая уже не имеет соответствующей параллели в карачаево-балкарском языке в данном структурном оформлении.

3. Лексемой *кхъуэбанэ* (*Xanthium strumarium*) в кабардино-черкесском обозначается «дурнишник зобовидный», в карачаево-балкарском для данных целей используется словосочетание *тонгуз чыгъана*. Как показывает пример, кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки используют идентичную номинативную стратегию при вербализации растения «дурнишник зобовидный»: компоненты сочетаний идентичны структурно и семантически: *кхъуэ*, *тонгуз* «свинья» + *банэ*, *чыгъана* «колючка». В кабардино-черкесском лексема *кхъуэбанэ* представляет собой сложное слово в силу структурных особенностей самого языка, в карачаево-балкарском — словосочетание, что также передает структурные особенности последнего.

4. В кабардино-черкесском языке словом *псыцІэудз* (*Carex L.*) обозначается «осока», для передачи данного понятия в карачаево-балкарском используется словосочетание *мырды ханс*. Составляющие данные лексемы компоненты в исследуемых языках в структурном и семантическом отношениях идентичны (*псыцІэ* / *мырды* «бо-

лото» и *удз* / *ханс* «трава» — «болотная трава»), т. е. речь идет об абсолютно тождественных номинативных принципах. Здесь также наблюдается отмеченная нами выше закономерность, а именно, в кабардино-черкесском понятие «осока» передается сложным словом, а в карачаево-балкарском предпочтение отдается словосочетанию.

5. В кабардино-черкесском для номинации понятия «подорожник большой» (*Plantago major*) функционирует лексема *хъэбзэгутхъэмнэ*, в карачаево-балкарском языке же лексема *ит-тили-чапыракъ*. Кабардино-черкесское *хъэбзэгутхъэмнэ* в структурном отношении представляет собой сочетание основ *хъэ* «собака», *бзэгу* «язык», *тхъэмнэ* «лист», в карачаево-балкарском лексема *ит-тили-чапыракъ* также представляет собой сочетание трех основ (*ит* «собака», *тил* «язык», *чапыракъ* «лист»). В кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках для номинации понятия «подорожник большой» используется одна и та же номинативная стратегия, в основе которой лежит сочетание трех основ, состоящих из *хъэ* — *ит* «собака» + *бзэгу* — *тил* «язык» + *тхъэмнэ* + *чапыракъ* «лист».

6. Кабардино-черкесская лексема *дыщэджджэд* используется в качестве обозначения для понятия «павлин», в карачаево-балкарском данное понятие обозначается словом *алтын тауукъ*. Сложные лексемы имеют одинаковый состав компонентов: *дыщэ* / *алтын* «золото» + *джджэд* / *тауукъ* «курица» — собственно «золотая курица», т. е. при вербализации понятия «павлин» исследуемые языки прибегают к одной и той же номинативной стратегии.

7. При вербализации понятия «позолота» кабардино-черкесский и карачаево-балкарские языки используют одну и ту же модель, а именно: каб.-черк. *дыщэцс* — кар.-балк. *алтын суу*, которая членится на *дыщэ* / *алтын* «золото» + *псы* / *суу* «вода».

8. В кабардино-черкесском лексемой *дзэл* обозначается «десна», карачаево-балкарский для этих целей использует лексему *тиш эт*. Как в кабардино-черкесском,

так и в карачаево-балкарском соответствующие лексемы представляют собой сочетание основ двух в структурном и семантическом отношении идентичных существительных: каб.-черк. *дзэ* / кар.-балк. *тиш* «зуб» + каб.-черк. *л/ы/*, кар.-балк. *эт* «мясо», что при дословном переводе означает «зубное мясо», т.е. исследуемые языки используют одни и те же принципы номинации при обозначении понятия «десна». В качестве интересного наблюдения отметим также, что и в абазинском и осетинском языках при номинации указанного понятия используется идентичная номинативная стратегия: *ныцыжь* (*ныц* «зуб» + *жь/ы/* «мясо»), *джндаджы фыд* (*джндаджы* «зуб» + *фыд* «мясо»).

9. Кабардино-черкесская лексема *пхъацIэ*, функционирующая в качестве обозначения для понятия «клоп», состоит из сочетания двух основ: *пхъэ* «дерево (древесный)» + *цIэ* «вошь» (дословно «древесная вошь»). При обозначении данного понятия в карачаево-балкарском языке используется тождественная номинативная стратегия: *агъач бит* «клоп» (*агъач* «дерево (древесный)» + *бит* «вошь»).

Интересный материал в аспекте выбора номинативных стратегий представлен в лексическом пласте цветообозначения. Как известно, лексический пласт языка, представляющий цвет и цветовые гаммы представляет большой интерес в лингвокультурном плане и в плане отражения особенностей языковой картины мира у определенного этноса. Так, в кабардино-черкесском *яжьафэ* означает «серый, пепельный». В карачаево-балкарском для обозначения этого понятия используется лексема *кюл бетли*. Сопоставляемые номинации имеют одинаковый состав компонентов: каб.-черк. *яжьэ*, кар.-балк. *кюл* «зола» + каб.-черк. *фэ*, кар.-балк. *бетли* «цвет». В буквальном переводе приведенные единицы означают «цвета золы». Такая же картина в исследуемых языках наблюдается при номинации одного из оттенков зеленого цвета. Речь идет о лексемах *удзыфэ* и *кырдык*

бетли. Сопоставляемые слова имеют одинаковый состав компонентов: каб.-черк. *удз*, кар.-балк. *кырдык* «трава» + каб.-черк. *фэ*, кар.-балк. *бетли* «цвет», т.е. «цвет травы». Таким образом, из анализа структуры данных слов мы видим, что в основу образования выражаемых ими понятий положена одна и та же стратегия номинации, ориентированная на природные цветовые гаммы золы и травы.

11. В исследуемых языках богато представлены идеосемантические параллели с компонентами *унэ / юй* «дом» и *цхъэ / баш* «голова». Так, кабардино-черкесская лексема *унацхъэ* используется для обозначения понятия «крыша», в карачаево-балкарском данное понятие передается лексемой *юй баш*. В исследуемых языках лексемы структурированы из идентичных компонентов: первые компоненты сопоставляемых основ означают «дом»: каб.-черк. *унэ*, кар.-балк. *юй* + вторые компоненты означают «голова, верх»: каб.-черк. *цхъэ*, кар.-балк. *баш*.

Лексема *цхъэ / баш* принимает участие и при вербализации понятия «сливки»: каб.-черк. *шацхъэ* / кар.-балк. *сют баш*. Оба названия образованы с помощью сочетания двух существительных: каб.-черк. *шэ* / кар.-балк. *сют* «молоко» + каб.-черк. *цхъэ* / кар.-балк. *баш* «голова, верх». В буквальном переводе означают «молока верх, точнее, верхняя часть». Идентичное наблюдается и в осетинском языке: *жхсыры сжр* «сливки».

Лексема *унэ / юй* «дом» используется в исследуемых языках и при обозначении понятия «домохозяйка». По составу компонентов сопоставляемые лексемы идентичны: каб.-черк. *унэ* / кар.-балк. *юй* «дом» + каб.-черк. *гуащэ* / кар.-балк. *бийче* «княгиня». Как и в предыдущих случаях, при вербализации анализируемого понятия в кабардино-черкесском предпочтение отдается сложному слову, а в карачаево-балкарском — словосочетанию, в исследуемых языках анализируемые лексемы имеют также идентичный, четко очерченный возвышенный стилистический статус.

Компонент *ицхьэ / баш* «голова» функционирует и в лексемах *ицхьэицІэ / джалан баш* «без головного убора, с непокрытой головой». Лексемы образованы из сочетания двух компонентов: каб.-черк. *ицхьэ / кар.-балк. баш* «голова» + каб.-черк. *ицІэ*, кар.-балк. *джалан* «голый». Компонент каб.-черк. *ицІэ / кар.-балк. джалан* «голый» используется также в следующей параллели: каб.-черк. *лванцІэ / кар.-балк. джалан аякь* «босой». Как показывают примеры, лексемы образованы структурно и семантически из одинаковых компонентов: каб.-черк. *лбэ*, кар.-балк. *аякь* «нога» и каб.-черк. *ицІэ*, кар.-балк. *джалан* «голый». Структурно-семантическое оформление анализируемых лексем также подтверждает отмеченные нами выше закономерности.

12. Особый интерес в исследуемом аспекте представляют также названия дней недели. В кабардино-черкесском при номинации понятия «четверг» используется лексема *махуэку*, в карачаево-балкарском же *орта кюн*. Составные элементы сопоставляемых сложных слов обнаруживают полное совпадение идеосемантики: каб.-черк. *махуэ / кар.-балк. кюн* «день» + каб.-черк. *ку / кар.-балк. орта* «середина». Следует отметить, что в исследуемых языках представление о середине недели существенно отличается от русского языка, где оно связано со средой, что свидетельствует об особой маркированности данного сегмента кабардино-черкесской и карачаево-балкарской картины мира.

И название понедельника (*блыицхьэ / баш кюн*) в исследуемых языках имеет много общего. В языковом оформлении этого понятия в кабардино-черкесском и карачаево-балкарском языках принимает участие лексема *ицхьэ / баш* «голова». Картина, заложенная в основу номинации данного понятия в анализируемых языках идентична. Сравните в связи с этим и осетинское *кзуырисжер* (из *кзуыри* «неделя» и *сгер* «голова») «понедельник».

Идеосемантический характер в исследуемых языках носят и лексемы каб.-черк.

мэзылІ — кар.-балк. *агъач киши* «леший», каб.-черк. *напэниэ* — кар.-балк. *бетсиз* «бессовестный, нахальный», каб.-черк. *нэхъыбэ* — кар.-балк. *мындан кёб* «больше (по количеству)», каб.-черк. *сэшхуэ* — кар.-балк. *уллу бычакъ* «шашка, сабля», каб.-черк. *ицхьэмажэ* — кар.-балк. *баш таракъ* «гребень, гребешок», каб.-черк. *Іэлъэ* — кар.-балк. *кзол къап* «рукавицы», каб.-черк. *Іупс* — кар.-балк. *аууз суу* «слюна». В перечисленных лексемах наблюдается также описанные нами выше явления.

В исследуемом аспекте важное значение имеют и некоторые метафорические трансформации, лежащие в основе идеосемантических параллелей. Многие сторонники когнитивного подхода придерживаются мнения, что основную роль в повседневных семантических выводах личности играет аналогия, а не формализованные процедуры дедукции и индукции. А так как в основе аналогии лежит перенос знаний из одной содержательной области в другую, то метафора является отображением важных аналоговых процессов.

Одной из последних тенденций в развитии теории метафоры является «теория концептуальной метафоры». В ее основе лежит идея о том, что метафора не просто языковой феномен, но и повседневная реальность, когда мы думаем об одной сфере в терминах другой. В этой связи концептуальная метафора служит орудием осмысления и понимания какой-либо более абстрактной сферы в терминах и концептах более известной, конкретной сферы. Поэтому метафоризация в современных когнитивных исследованиях рассматривается сквозь призму общенаучной интеграции. Механизм создания метафоры принято объяснять обычно следующим образом: метафорическая операция начинается замыслом, постановкой цели, намерением человека, создающего вспомогательные понятия на основе ассоциативных комплексов — энциклопедического, рационально-культурного, личностного знания, затем возникает допущение относи-

тельно подобия, контекст осуществляет фокусировку. Результатом такой процедуры является фильтрация – соединение новых признаков со старым значением и формирование нового концепта (понятия). Если происходит сближение концептов с нечетким основанием метафоры, то при этом возможно отсутствие алгоритма переноса, что объясняет образование метафоры через диффузное объединение двух понятий, одно из которых имеет репрезентацию, другое ее использует. А. Н. Баранов и Ю. Н. Караулов подчеркивают основную функцию подобной метафоризации как «наведение» новой категоризации на действительность и на ее отдельные фрагменты. Средством этого является новая концептуализация абстрактной сущности, которая плохо поддается рациональному осмыслению. В этом и проявляется реактивность мышления, создающего новую информацию и называющего ее³. Как видно из приводимых нами ниже примеров, кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки используют практически один и тот же набор лексем для создания метафорических трансформаций, что в результате приводит к появлению семантических (идеосемантических) параллелей:

каб.-черк. *бажэ*, кар.-балк. *тюлкую* «лиса» – «хитрый»;

каб.-черк. *гуауэцхьэуэ*, кар.-балк. *бушуу* «горе» – «печаль»

каб.-черк. *джабэ*, кар.-балк. *кьабыргьа* «бок» – «склон (горы)»;

каб.-черк. *кьыхь*, кар.-балк. *узун* «длинный» – «долгий»;

каб.-черк. *кьуэн*, кар.-балк. *барыргьа* «идти» – «ехать»;

каб.-черк. *кьабзэ*, кар.-балк. *таза* «чистый» – «беспримесный» – «честный»;

каб.-черк. *кьутэн*, кар.-балк. *сындырыргьа* «ломать» – «разбивать»;

каб.-черк. *лэдакьэ*, кар.-балк. *табан* «пятка» – «каблук»;

каб.-черк. *лээнкьэ*, кар.-балк. *тукьум* «род» – «порода, вид» – «сорт, тип»;

каб.-черк. *лыхъужь*, кар.-балк. *жигит* «герой» – «храбрый»;

каб.-черк. *лы*, кар.-балк. *эр* «мужчина» – «муж»;

каб.-черк. *напэ*, кар.-балк. *бет* «лицо» – «совесть»;

каб.-черк. *нысэ*, кар.-балк. *келин* «сноха» – «невестка»;

каб.-черк. *мазэ*, кар.-балк. *ай* «луна» – «месяц»;

каб.-черк. *псы*, кар.-балк. *суу* «вода» – «река»;

каб.-черк. *псынци*, кар.-балк. *женгил* «легкий (на вес)» – «быстрый»;

каб.-черк. *пIащIэ*, кар.-балк. *жукьа* «жидкий» – «тонкий» – «редкий»;

каб.-черк. *тIэтэн*, кар.-балк. *тешерге* «развязывать» – «расстегивать»;

каб.-черк. *ут Iыпщын*, кар.-балк. *иерге* «отправлять» – «отпускать» – «упустить»;

каб.-черк. *фэ*, кар.-балк. *тери* «кожа» – «шкура» – «вид»;

каб.-черк. *фыз*, кар.-балк. *кьатын* «жена» – «женщина»;

каб.-черк. *щIалэ*, кар.-балк. *жаш* «парень» – «молодой»;

каб.-черк. *Iэнэ*, кар.-балк. *тепси* «низкий, круглый столик» – «стол, еда, пища»;

каб.-черк. *Iув*, кар.-балк. *кьалын* «густой» – «толстый».

Результатом тесного контакта адыгов и балкарцев является появление у обоих народов пословиц идентичного содержания. Но следует отметить, с другой стороны, в данном случае причина структурного и содержательного параллелизма объясняется универсальностью человеческого мышления, идентичностью форм вербализации отдельных отрезков окружающей нас действительности, о чем свидетельствуют приводимые нами из анализируемых языков ниже примеры:

каб.-черк. *анэ иIэмэ, сабийр ибэжьым*, кар.-балк. *анасы сауьга ёксюзлюк жетмез* «если жива мать, то ребенок не сирота»;

каб.-черк. *блэ зэуар аркьэным щоцтэ*, кар.-балк. *жиляндан кьоркьэган жыжымдан кьоркьур* «ужаленный змеей аркана боится»;

каб.-черк. *гэмамахуэм умьугъуей щИыма-хуэм бгъуэтыжыркъым*, кар.-балк. *жаз асы-рамагъанынгы къыш табмазса* «чего не собрал летом, зимой не найдешь»;

каб.-черк. *делэ къуэлэн и щИасэщ*, кар.-балк. *тели къоланны сюер* «дурак пестрому рад»;

каб.-черк. *джэдым зэрыфИагъэжыну сэр къеулэпхъэщ*, кар.-балк. *тауукъ къазды да кеси боюнуна бичакъ чыгъарды* «курица выгребает нож, которым ее зарежут»;

каб.-черк. *джэдум щигуфИэгъуэм, дзыгъуэм и гуИэгъуэщ*, кар.-балк. *киштикге оюн да чычханнга ёлюм* «коту забава — мышке смерть»;

каб.-черк. *жэм лъакъуэ шкИэ иукИыркъым / адыг. чэм лъакъо шкИэ ыукИырэп* — кар.-балк. *ийнек аягъы бузоу ёлтюрмез* «коровья нога теленка не убивает»;

каб.-черк. *зи гупкИэ уисым и уэрэд жыИэ*, кар.-балк. *кимни арбасына минсенг, аны жырын жырла* «на чьей повозке сидишь, его песню пой»;

каб.-черк. *и анэ еплъи ипхъу къашэ*, кар.-балк. *анасына къарап, къызын ал* «посмотрев на мать, женись на дочери»;

каб.-черк. *лым и мэр зыщэм ахъшэ жьгъейм и (жьгъыжьгъ) макъыр къыльос*, кар.-балк. *этни ийисин сатхан ачханы тау-ушун алыр* «кто продает запах мяса, тот получает звон денег»;

каб.-черк. *насыпыншэр махъшэм тесми, хъэ къодзакъэ*, кар.-балк. *тюеге минсе да, жарлыны ит къабар* «несчастливый, сидя на верблюде, может быть укушен собакой»;

каб.-черк. *нэгъуэщИым мацэ къыхуэптИмэ, уэ охуэж*, кар.-балк. *биреуге уру къазсанг, ичине кесинг тюшерсе* «если яму роешь для другого, сам в нее попадешь»;

каб.-черк. *хъэ банэ макъым унэм ухуешэ-ри мафИэ нэхум губгъуэм урешэ*, кар.-балк. *ит юрген юйге элтир, от жарыкъ тюзге элтир* «лай собаки в дом заведет, свет огня в степь заманит»;

каб.-черк. *хъэ здэщымыИэм бажэ щобанэ*, кар.-балк. *ит болмагъан жерде тюлкю юрюр* «там, где нет достойного, верх берет недостойный (букв. где нет собаки, там лает лиса)»;

каб.-черк. *хъэм къутицхъэкИэ уеуэкИэ гъыркъым*, кар.-балк. *итни сюек бла урсанг къансымаз* «ударить собаку костью, она скулить не будет»;

каб.-черк. *шыдым уанэ теплъхъэкИэ шы хъункъым*, кар.-балк. *ат жерни салгъанлыкъ-гъа, эшек ат болмаз* «ишак от того, что оседлаешь, лошадью не станет»;

каб.-черк. *щхъэм имытмэ, лъэм и мыгъу-агъэщ / адыг. шхъэм акъыл имылъымэ* кар.-балк. *башида акъыл болмаса, эки аякъгъа кюч жетер* «если в голове нет ума, то страдают ноги»;

каб.-черк. *щхъэр псэумэ, пыИэ щыщИэркъым*, кар.-балк. *баш болса, бёрк табылыр* «была бы голова, шапка найдется»;

каб.-черк. *щИалэр щыжэкИэ, лИыжьым и лъакъуэ мэуз*, кар.-балк. *жаш чапса, къартны бутлары аурур* «когда мальчик бежит, у старика ноги болят»;

каб.-черк. *щИэм лъакъуэ ядешх, жьым щхъэ ядешх*, кар.-балк. *жашла бла аякъ аша, къартла бла баш аша* «с молодыми молод, со старыми стар» (дословно: «с молодыми ноги есть, со стариками голову есть»);

каб.-черк. *Иуэху мыублэм блэ хэщ* «в неначатом деле змея водится», кар.-балк. *башланмагъан ишде жилиян жатар* «в неначатом деле змея зарыта».

В заключение следует отметить, что при исследовании идеосемантических параллелей все же представляется правомерным постановка вопроса о приоритете конкретного языка в оформлении структуры и семантики той или иной лексемы в аспекте идеосемантики. Но этот вопрос можно решить только на основе учета комплекса интра- и экстралингвистических факторов. В то же время очень важным, на наш взгляд, является тот факт, что носители анализируемых языков являются представителями одного культурного (в широком смысле) и географического ареала, что делает бессмысленным подобную постановку вопроса и попытку однозначного ответа на поставленный вопрос.

Вероятно, следует признать, что номинативные стратегии не только культурно специфичны и представляют эту специфику определенным образом оформленным набором языковых единиц. В отдельных сегментах языка культурная специфика

номинативных стратегий нивелируется и нейтрализуется, доминантой выступают общечеловеческие критерии мировосприятия и оценки окружающих нас предметов, о чем и свидетельствует изложенный нами выше материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. — М.; Л., 1949. — С. 286—287.

² *Балкаров Б. Х.* Адыгские элементы в осетинском языке. — Нальчик, 1991. — С. 59—60.

³ *Баранов А. Н., Караулов Ю. Н.* Русская политическая метафора. Материалы к словарю. — М., 1991.